

О поздравительных открытках, цензуре и древней профессии

Вот опять в моей жизни я столкнулась с «господином случаем»! Отдыхая в любимом санатории «Детское», я на несколько минут в ожидании приглашения к ужину присела в коридоре и, взглянув на стену, в вечерних сумерках увидела небольшую подборку поздравительных открыток, изданных к очередной годовщине со дня Победы в войне 1941 – 1945 годов. Графически открытки были решены довольно банально, но с любовью экспонированы в скромной рамочке под стеклом.

Дежурная медсестра пояснила, что это подарок ребят из детского дома, отдохнувших в «Детское». Дети, узнав, что директор санатория страстный филокартист, постоянно меняет для обозрения отдыхающих экспозиции открыток, подарили этот комплект. А мне сразу вспомнились «дела давно минувших дней».

В 1953 году я начала работать в издательстве «Советский художник», и мне сразу поручили создание именно поздравительных открыток. Дело было новое, вернее, хорошо забытое старое. Это сейчас на прилавках груды самых разнообразных по темам и исполнению открыток, вплоть до говорящих и поющих, а тогда после войны их было мало, и выпускались они к «красным дням календаря». Поздравительных же открыток – с днем рождения, юбилеем, свадьбой и т. п. – не было совсем.

Я и художники, будущие авторы таких открыток, оказались пионерами в этом деле. И задание для редактора, исполнителей – для всех было внове. Здесь очень помогло знакомство с богатейшей коллекцией Н.С. Тагрина. (Коллекция Н.С. Тагрина уникальна и не имеет аналогов в истории отечественного филокартизма. Это крупнейшее в СССР собрание открыток

– более 570 тысяч экспонатов – прим. ред.) У него даже был специальный раздел открыток такого характера, изданных задолго до 1917 года, выполненных чрезвычайно изобретательно как в решении темы, так и полиграфически.

Тогда очень пригодился мое знакомство, а порой и дружба с будущими авторами открыток – членами Ленинградского Союза художников. До перевода в издательство я работала заведующей отделом изобразительного искусства в Управлении по делам искусств Ленгорисполкома и курировала Союз художников. Работы графиков и живописцев были мне хорошо знакомы.

Однако новая работа двигалась туго. Надо было найти не только удачное решение конкретной темы, но еще, а это было, пожалуй, самое сложное – получить разрешение цензуры – Горлита – на полиграфическое исполнение открытки.

Для Горлита к каждому оригиналу прилагалось письмо от издательства за подписью «трех китов»: директора, секретаря парткома и председателя месткома, в котором были указаны фамилии, инициалы художника и ведущего редактора, а также название открытки. Эти данные нельзя было изменять. В Горлит можно было обращаться только в определенные дни и часы. Работникам цензуры не рекомендовалось лично общаться с редактором, а на рассмотрение принесенных оригиналов полагалось несколько дней.

Всегда положительными эмоциями вызывал долгожданный ответ со штампом «разрешено», датой и подписью. Без разрешения цензуры ни одна типография не имела права принять к печати оригинал. Если Горлит «добро» не давал, то это была беда: время, потраченное на создание открытки и утверждение ее художественным советом издательства, иногда достаточно

длительное, оказывалось потраченным впустую. А ведь работа издательства утверждалась поквартально. Невыполнение плана означало, что денежных премий не будет у всего коллектива, а «виноватый» иногда получал и выговор. Сложность процесса усугублялась и тем, что не все цензоры имели искусствоведческое образование и не всегда могли профессионально оценить рисунок.

Помню, сколько труда мне стоило убедить цензора – отставного военного в том, что на открытке с изображением офицера, стремительнодвигающегося вперед, для усиления порывистости его движения одно плечо было срезано краем листа, и число звездочек на погоне, таким образом, оказалось соответственно меньше, чем на другом, полностью вошедшим в кадр. С точки зрения цензора-ветерана это было «не положено». Узнав причину отказа в утверждении данного оригинала, мне пришлось снова идти в Горлит, но уже в другой час и день.

Окончание на стр. 4

Рубрику ведет Вера Александровна Шустичкая

Коротко из предыдущего номера «Вестник санатория»

Удивительна и необычна судьба Анны Андреевны Ахматовой! Она прожила долгую и очень насыщенную жизнь, в которой были и дружба с талантливейшими людьми, и радость творческих побед, и любовь, и разочарование! Две войны, революции, потери и обиды... Она сумела пережить все, и с достоинством пронести свое «я» через все невзгоды страшного века! А.Ахматова (1889 – 1966) родилась 11 (23) июня 1889 г. в пригороде Одессы (Большой Фонтан) в большой семье: отец Андрей Антонович Горенко – потомственный дворянин, мать Инна Эразмовна и шестеро детей. Детство и юность Анны прошли в Царском селе. Познакомилась Анна с Николаем Гумилевым в 1903 году около Гостиного двора. 25 апреля 1910 года в Никольской слободке под Киевом Анна и Николай Гумилев обвенчались и после свадьбы уехали в Париж.

В конце июня 1910 года Гумилевы вернулись в Россию и поселились в Царском Селе. Муж ввел Анну в литературно-художественную среду Петербурга. Весной 1912 года выходит первый сборник стихов Анны Ахматовой «Вечер». В этом же году 1 октября у Анны и Николая родился сын Лев (1912 – 1992) – будущий историк

Анна Ахматова. 1964 год. Англия

и географ, автор этнологической теории. В начале 1914 года выходит второй сборник Ахматовой – «Четки». Сборник имел оглушительный успех.

Она дружила с Блоком, Мандельштамом, Пастернаком и другими, но постепенно на нет сходят ее отношения с мужем (официально развелась в 1918 году).

В 1917 году вышел в свет сборник стихов поэтессы «Белая стая», большинство работ из которого было посвящено Борису Анрепу – поэту и художнику. В 1918 году началась массовая эмиграция: один за другим покидали Россию близкие Ахматовой люди. Выбор Анны Андреевны был иным – она осталась в «глухой» и «грешной» России.

«Гибель Пушкина» и др.). На долгие годы А.С. Пушкин становится для Ахматовой спасением и прибежищем от ужасов истории, олицетворением нравственной нормы, гармонии. Ахматова останется до конца верной пушкинскому завету (для власти, для ливреи, не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи) – факт особенно примечательный на фоне сделок советских писателей с властью. Она жила в крайней нищете, чаще обходясь лишь чаем и черным хлебом. Каждый день выстаивала бесконечные очереди, чтобы передать сыну передачу.

Именно тогда, в очереди, она начала писать цикл «Реквием». Стихи

«Птицы смерти в зените стоят...», «Нох». В конце сентября ее по решению горкома партии самолетом эвакуируют из Ленинграда. Ахматова оказалась в Ташкенте. Подружилась с жившей неподалеку Фаиной Раневской. Почти все ташкентские стихи были о Ленинграде, – Ахматова очень волновалась за свой город, за всех, кто остался там. Стихотворение Ахматовой «Мужество» было напечатано в газете «Правда» и затем многократно перепечатывалось, став символом сопротивления и бесстрашия. В 1943г. Ахматова получила медаль «За оборону Ленинграда».

Впервые послевоенные годы Ахматова навлекает на себя гнев Сталина, узнав-

снят. Ей даже выделили от Союза писателей дачу в писательском поселке Комарово под Ленинградом.

Последние десять лет жизни Ахматовой совершенно не подходили на предыдущие годы. Ее сын был на свободе, она, наконец, получила возможность печататься. Она писала много, словно торопясь высказать все, что ей не давали сказать раньше. Теперь мешали только болезни: серьезные проблемы с сердцем, из-за полноты было тяжело ходить. Но до последних лет Ахматова была царствена и величава.

В августе 1962 года Анна Ахматова была выдвинута на Нобелевскую пре-

Жизнь замечательных людей Царского села

ТАЙНАЯ СИЛА ЛИЧНОСТИ поэта Анны Ахматовой

Продолжение. Начало в № 21

В апреле 1918 года после развода с Гумилевым Ахматова выходит замуж за Владимира Шилейко, известного ученого-востоковеда, занимавшегося культурой древнего Египта, Ассирии, Вавилона. Личная жизнь с депотичным и беспомощным в бытовых делах Шилейко, не сложилась.

1921 год прошел тяжелой поступью по жизни поэтессы. В августе арестовывают Гумилева, тремя днями позже умирает Блок, еще через две недели Гумилева расстреливают. Тогда же Ахматова расстается с Шилейко. В том же августе она узнала о том, что в Греции еще в феврале покончил с собой ее брат – Андрей Горенко. Впечатления от этих смертей вылились у Ахматовой в сборник стихотворений «Полдорожник», который затем, дополненный, стал называться «Anno Domini MCMXXI».

Новый режим не жаловал ее творчество – за интимность, аполитичность и «дворянские корни». В это время она осталась практически одна – все ее друзья или погибли, или эмигрировали. Сама же Ахматова эмиграцию считала совершенно для себя неприемлемой.

Печататься становилось все труднее и труднее. В 1925 году на ее имя был наложен неофициальный запрет. Ее не печатали 15 лет. В годы вынужденного безмолвия Ахматова занималась переводами, изучала сочинения и жизнь Пушкина, архитектуру Петербурга. Ей принадлежат выдающиеся исследования в области пушкинистики («Пушкин и Невское взморье»,

цикла очень долго не записывались – они держались в памяти самой Ахматовой и нескольких ее ближайших друзей. Ей выпал жребий стать свидетельницей событий беспримерных по своей жестокости. Среди оставшихся в России близких Ахматовой людей практически все пополнили список жертв красного террора. Николай Гумилев был расстрелян. Единственного сына Ахматовой Льва Гумилева трижды арестовывали. Были безвинно осуждены и погибли в лагерях О.Мандельштам, Б.Пильняк, ученый-филолог Г.Луковский, В.Нарбут, Н.Пунин (третий муж Ахматовой). «Такой судьбы не было ни у одного поколения» – написала Ахматова в январе 1962 года.

Ахматова не прошла лагерь, не подвергалась арестам, но тридцать лет «прожила под крылом у гибели», в предчувствии скорого ареста и в непреодоленном страхе за судьбу сына. Обращаясь к потомкам, она завещала установить ей памятник не там, где прошли ее счастливые, творческие годы, а под «красной, ослепшей стеной» Крестов.

Совершенно неожиданно в 1939 году Ахматовой разрешили печататься. На приеме в честь награждения писателей Сталин спросил об Ахматовой, стихи которой любила его дочь Светлана: «А где Ахматова? Почему ничего не пишет?». Ахматова была принята в Союз писателей, ею заинтересовались издательства.

В 1940 году вышел после 17-летнего перерыва ее сборник «Из шести книг». 1940 год возвращения в литературу был необычайно плодотворным для Ахматовой. Написана поэма Путем всея земли (Китежанка), начата «Поэма без героя», продолжена работа над поэмой о Царском Селе «Русский Трианон». «Меня можно назвать поэтом 1940 года», – говорила Ахматова.

Война застала Ахматову в Ленинграде. Впечатления первых дней войны и блокады отразились в стихотворениях «Первый дальноточный в Ленинграде»,

шего о визите к ней английского историка И. Берлина. 14 августа 1946 года вышло постановление ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград»». Журналы клеймили за то, что они предоставляют свои страницы двум идеологически вредным писателям – Зощенко и Ахматовой. Меньше чем через месяц Ахматова была исключена из Союза писателей, лишена продовольственных карточек, ее книга, находившаяся в печати, была уничтожена. По словам

Семейный памятник семье Гумилевых в Бежецке (Тверская область)

Ахматовой, многие писатели, захотевшие после войны вернуться в Россию, после постановления передумали. Она оказалась в полнейшей изоляции, а с теми, кто не отвернулся от нее, она сама старалась не встречаться, чтобы не навредить. Тем не менее, люди продолжали к ней приходить, приносили продукты, а по почте постоянно присылали продуктовые карточки.

В 1954 году Ахматова совершенно случайно заработала себе прощение. Запрет с имени Ахматовой был снова

мио. В 1964 году ей разрешили выехать за границу – в Италию за престижной литературной премией, в Англию – за степенью почетного доктора литературы Оксфордского университета. На обратном пути заехала в Париж и смогла снова встретиться с друзьями своей молодости – Саломеей Гальперн, Юрием Анненковым, который когда-то рисовал ее, Исаией Берлиным, Борисом Анрепом... Она прощалась со своей молодостью, со своей жизнью. В 1965 году выходит последний прижизненный сборник Анны Ахматовой «Бег времени».

Анна Андреевна Ахматова скончалась 5 марта 1966 года в Домодедове, подмосковном санатории после четвертого инфаркта. После отпевания в Никольском соборе в Ленинграде Анна Андреевна Ахматова была похоронена в Комарово – недалеко от своего единственного за много лет настоящего дома. Толпы людей следовали за ней в последний путь – путь в Вечность...

Ахматову называли душой серебряного века, ее стихи сравнивали с творениями Саффо и музыкой Моцарта. Слог Ахматовой отличает четкость, чистота и сжатость. Каждое из стихотворений Ахматовой – это своеобразная новелла, сжатая до двенадцати – шестнадцати строк.

И, конечно же, мы гордимся тем, что жизнь и творчество Анны Ахматовой всегда были связаны неразрывно и навеки с Царским Селом! Об этом пишут все ее биографы!

Когда-то планировалось установить памятник нашей Царскоесельской музе в Царском Селе – городе Пушкин, который она никогда не забывала... Уверена, что это сбудется...